

ЯРЦЕВА В. Н.

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА*

5. Критерии типологического сдвига в строе языка. Каждый языковой элемент имеет тенденцию изменяться, но не всегда это изменение приводит к изменению того типа, в который данное языковое явление входит. Так, окачествление причастий, хорошо известное для многих языков, приводит к выделению из глагольного ряда (т. е. ряда глагольных форм) отдельных причастий, ставших прилагательными, но не приводит к уничтожению самой категории причастий как определенного типа языковых форм. Например, уже в древнеанглийском языке причастие *sif* «известный» от глагола *sinnan* «знать» превратилось в прилагательное и выпало из системы глагольных форм. Другие прилагательные могли иметь параллельно существующие омонимы, сохранившие содержание и функции причастий, от которых данные прилагательные некогда отпочковались. Однако сам тип данного глагольного образования продолжал сохраняться в языке в течение всего исторического периода развития английского языка. Происходит это потому, что модель языкового построения сохраняется как устойчивый и продуктивный тип образования в течение гораздо большего промежутка времени, чем отдельные частные формы, образуемые по этой модели. Однако на синхронном срезе любого языка можно обнаружить не только продуктивные и непродуктивные модели различных строевых элементов, но и те зоны изменений или, наоборот, более устойчивые области, которые можно было бы назвать «слабыми» и «сильными» участками системы языка.

«Слабое» может быть охарактеризовано как неустойчивое, но следует помнить, что «сильное» с точки зрения генетической может оказаться неустойчивым в плане своего дальнейшего развития, т. е. может иметь тенденцию к качественным преобразованиям. В системе древнеанглийского глагола выявление категории вида морфологическими средствами может характеризоваться как «слабое» место системы древнеанглийского языка. Известно, что префиксальный способ выявления видовых различий был широко распространен в древнеанглийском глаголе. Приставки *ze-*, *ā-*, *for-*, *be-* (*zēferan* «приехать», *āhebban* «поднять», *forbærnan* «сжечь», *belūcan* «запереть») передавали видовые характеристики действия. Однако префиксация не была достаточно последовательным средством выражения видовых значений, чтобы обусловить создание твердых форм противопоставленности глаголов разного видового содержания. Противопоставление глаголов совершенного и несовершенного видов с помощью приставок не достигалось потому, что если приставочный глагол имел обычно значение законченности действия, то вместе с тем многие глаголы без приставок также имели перфектное видовое значение. Даже наиболее последовательно употреблявшаяся перфективирующая приставка *ze-* служила средством выражения не только совершенного вида, но и ряда других видовых оттенков. Так, глаголы *zeridan* «доехать» (от *ridan* «ехать») или *zedencan* «вспомнить» (от *dencan* «думать») имели скорее результитивное, чем перфективное значение. Одновременно данная приставка могла сочетаться с глаголом, перфектным по самому лексическому содержанию. Например, *findan* и *zefindan* в равной мере означают «найти».

* Окончание. Начало см. в ВЯ, 1986, № 5.

Можно ли считать все описанное лишь признаком сложности системы видовых различий в древнеанглийском глаголе? Нет, нам кажется, что это не так. Ведь нет ясной противопоставленности глагольных видовых форм, а без этого не создается возможности отчетливого выражения тех или иных грамматических значений. Поэтому видовые оттенки глагольного действия не получают своего последовательного выражения в морфологической структуре слова древнеанглийского языка. Система старой префиксации в английском глаголе оказалась неустойчивой и с течением времени исчезла. Причину ее исчезновения можно искать не только в известной конкуренции, создаваемой аналитическими формами глагола, которые могут передавать видовые оттенки действия, но, главным образом, в отсутствии той противопоставленности форм, которая могла бы способствовать образованию грамматических типов и размежеванию их между собой.

Примером «сильных» элементов глагольной системы английского языка может служить грамматическая категория переходности/непереходности. Как и в других древнегерманских языках, в древнеанглийском сильным глаголом непереходного значения могли противостоять образованные от тех же корневых морфем, но с другой формой огласовки глаголы переходного значения, развившиеся из старых каузативных. Например, *līdan* «идти» и *lædan* «вести», *liczan* «лежать», *lescan* «положить» и т. д. То, что многие сильные глаголы могли иметь как переходное, так и непереходное значение (например, *bindan* «сгибать»), не элиминировало эту систему противопоставлений, хотя и осложняло ее. В генетическом отношении эта черта английской глагольной системы могла характеризоваться как «устойчивая», поскольку она была унаследована от общегерманского языка и находила себе соответствия в древнейших индоевропейских языках. Четко очерченные классы сильных глаголов и противопоставленных им глаголов слабых, имеющих одну и ту же корневую морфему, создавали картину того, что мы выше назвали «сильной» позицией системы языка. Однако эта «сильная» позиция системы в дальнейшем подвергалась качественному преобразованию и с этой точки зрения оказалась неустойчивым элементом в той же мере, в какой это было свойством «слабых» позиций древнеанглийского глагола. С развитием форм передачи переходности и непереходности глагола в пределах словосочетания, где грамматическое содержание транзитивности определялось путем его соотносительности с дополнением и, наоборот, интранзитивность передавалась односторонней связью глагола с подлежащим, обнаружились коренные изменения на этом участке морфологии английского языка. Вне контекста почти каждый глагол может пониматься в равной мере и как транзитивный, и как интранзитивный. Морфологически нет никаких отличий в его структуре. Правда, лексическое значение того или иного глагола может сделать невозможным наличие при этом глаголе прямого дополнения, но это уже относится по существу к законам словосочетания, где формам объединения, возможным с грамматической точки зрения, может препятствовать несовместимость лексических значений объединяемых слов. Таким образом, способ выявления транзитивности и интранзитивности глагола на протяжении истории английского языка стал иным, хотя некоторые глаголы, входившие в тот или иной ряд как лексические единицы, удержались в языке. В историческом развитии строя языков мира неоднократно можно было наблюдать, как один и тот же грамматический прием приобретает новое качество в зависимости от его синхронного использования. «Затухающий» на одном временном витке грамматический прием (или грамматическая конструкция) может вновь ожить на другом витке исторического развития системы языка и под влиянием широкого использования в данный исторический момент стать яркой типологической приметой данного языка.

Как мы уже указывали выше, анализируя исторический процесс развития системы отдельного языка, полезно различать общие законы и тенденции развития языков данного типа и те особые тенденции, специфические для внутренних законов развития именно этого языка, которые чаще всего связаны с экстралингвистическими условиями его использования в определенном языковом коллективе.

Известной иллюстрацией первого положения может служить тенденция языков синтетического строя (агглютинативных и флективных) порождать конструкции аналитического типа. Что касается второго положения, то примером может служить перестройка глагольно-объектных отношений в английском языке, связанная с потерей у глагола различительных морфологических признаков переходности/непереходности. Этот процесс, наметившийся еще в древнеанглийский период, несомненно, был ускорен притоком в среднеанглийский период глаголов, заимствованных из французского языка, не имевших указанных отличий в области категории транзитивности/интранзитивности [9, с. 168—172]. Вместе с тем само массовое заимствование французских слов объяснялось норманским вторжением в Англию в XI в. и последовавшим за этим периодом англо-французским двуязычием.

Сравнивая два синхронных среза исторического развития данного языка (подобно тому, как если бы мы сравнивали системы двух различных языков), мы исходим из необходимости анализировать факты языка в целях их сличения и определения той суммы сходств и различий, которые могут служить доказательством проявления закономерностей, регулирующих процесс поступательного движения данного языка. Процесс лексикализации словосочетаний и возникновение на их основе не только определенного типа фразеологизмов, но и сложных слов (с последующим морфологическим опрощением их состава) известен практически для всех языков. Однако в связи с развитием аналитических черт в английском языке массовидность и специфические черты субстантивно-определятельных словосочетаний (типа *silver spoon*, *canon ball* и т. п.) или сочетаний глагола с наречием/предлогом (типа *take in*, *give up* и т. п.) характеризовали своим появлением определенный исторический отрезок развития английского языка. Следует заметить, что хотя сам тип указанных выше единиц закрепился и остается в современном английском языке, отдельные фразеологические единицы, употреблявшиеся в языке шекспировской эпохи, не удержались в языке, что дало повод некоторым лингвистам утверждать, будто отдельные грамматические приемы и соответствующие им новообразования были более распространены в ранненовоанглийском, чем в современном английском языке [10].

6. Вариативность как форма связи синхронии и диахронии. Выше мы уже указывали на необходимость учитывать частотность тех или иных языковых моделей на разных этапах развития языка. Столь же важно учитывать соотносительную частотность фонетических, грамматических и лексических вариантов (последние обычно определяются фонетическими и грамматическими расхождениями) при историческом развитии языка. Варьирование свойственно любому уровню языка на любом этапе его истории. Можно доказать, что именно варьирование служит для преодоления разрыва между синхронией и диахронией. Синхрония и диахрония связаны между собой по линии исторической преемственности. Любой синхронный срез в процессе развития языка является итогом предыдущего периода (иногда имея в качестве архаизмов остаточные следы этого периода) и одновременно составляет базу для следующего синхронного среза. Однако нецелесообразно представлять себе историю развития системы языка как последовательное наложение синхронических срезов. Единство синхронии и диахронии проявляется в каждый данный момент в вариативности языковых элементов. Подобная вариативность на всех уровнях языковой структуры (независимо от того, имеет ли она социальные, социально-региональные или чисто узусально-стилистические основания) приводит к тому, что элементы языка, сосуществуя в течение известного периода времени, впоследствии либо вытесняют друг друга, либо четко дифференцируются в своих функциях. Из этого следует, что можно как бы непосредственно наблюдать изменения в языке.

Случается, что синхронные лингвистические исследования, проведенные под знаком фиксации вариантов, существующих в данном речевом коллективе, превращаются в исследования исторические. В качестве примера можно привести работу У. Лабова относительно распределения в

употреблении *r* в Нью-Йорке [11]. Иллюстрацией может также служить распределение в английском языке XV—XVI вв. произношения групп *er*, давшей в современном английском [α:]. Известно, что в течение XV в. группа *er* переходила в *ar*, но это изменение далеко не сразу охватило все слова, и поэтому в произведениях XVI в. наряду со старым типом *erthe* «земля» (< ср.-англ. *eorthe*), *sterres* «звезды» (< ср.-англ. *steorre*), *hertes* «сердце» (< ср.-англ. *heorte*), *werk* «работа» (< ср.-англ. *weorc*) встречаются новые формы *hartes*, *warke*, *clark* «писец» (< ср.-англ. *clerc*), *sarvis* «служба» (< ср.-англ. *servise*, заимствование из ст.-франц. *serfise*) [12, с. 216—222]. Это варьирование закончилось в современном литературном английском закреплением в литературной норме одного из вариантов: *star* [stɑ:], *heart* [hɑ: t], но *service* [sə : vis] и (с сохранением старого написания) *clerk* [klɑ : k].

Методически легче всего прослеживаются варианты в области фонологии, грамматические варианты иногда переплетаются с лексическими (если это касается семантического синтаксиса), но в целом вариантность языка, которая больше изучалась в связи со стилистикой речи на синхронном срезе, в плане исторического преобразования языка имеет большое значение. Закрепление одного из вариантов как литературно-нормативного еще не означает, что параллельные формы исчезли из языка в целом. Как указывалось нами выше, такие формы могут удержаться в территориальных и социальных диалектах. Законы варьирования, законы инноваций по аналогии действуют всегда, хотя не для всех уровней языка их можно зафиксировать как процесс. Недаром У. Лабов заметил, что «синтаксические изменения являются более неуловимыми, чем звуковые: в то время как мы наблюдаем ход звуковых изменений в каждом большом городе, где говорят по-английски, мы имеем сравнительно мало данных по изменениям синтаксическим» [13, с. 65]. Однако исследователю живого языка приходится все время считаться с «давлением» литературной нормы письменного языка, если такая существует в данном речевом коллективе. Например, исследование, проведенное Дж. Чешайр, выявило тенденцию у молодежи школьного возраста употреблять для всех глагольных личных форм настоящего времени флексию *-s*, т. е. распространять на всю парадигму презенса форму 3-го л. ед. числа (*I knows, you knows, they calls* и т. д.). Однако это замечалось только в свободной разговорной речи, дающей около 55% указанных выше случаев. При самоконтроле процент ненормативного употребления глагольных форм сразу падал до 25% [14]. Соображения, возникающие в результате исследований указанного типа у историка языка, заставляют его подойти по-новому к оценке того материала, который может быть ему предоставлен документацией, сохранившейся от ушедших эпох.

7. Историческая грамматика и филология. Чем располагает составитель исторической грамматики для определения темпов изменения строя языка, скорости распространения инноваций, соотношений элементов варьирования на различных языковых уровнях? Историческая преемственность и стилистическая филиация сохранившихся древних памятников, особенно если они принадлежат разным территориальным диалектам, могут пролить свет на различные по времени процессы в отдельных диалектах данного языка. Иногда возможно также и выявление варьирования языковых форм. Относительная хронология звуковых изменений, лежащих за пределами сохранившейся документации, может быть определена дедуктивным путем. В качестве примера приведем перегласовку кратких дифтонгов *ea*, *eo*, дававших *ie* под влиянием некогда имевшегося в последующем слоге элемента *-i-*. Исторически этот процесс лежал за пределами сохранившихся письменных памятников древнеанглийского языка. В свою очередь одним из источников дифтонгов *ea*, *eo* в уэссекском диалекте древнеанглийского периода было изменение перед группой **l, r, h +* согласный. Устанавливая относительную хронологию первого из упомянутых процессов (известный в германистике термин **i-умлаут*) по отношению ко второму («преломление»), историки приходят к заключению, что «преломление» старше умлаута. При этом указывается на формы сравни-

тельной степени (аффикс которой некогда содержал элемент *-i-*, ср. *ieldra* от прилагательного *eald* в уэссекском диалекте), на форму 3-го л. ед. числа настоящего времени (*fieht* от глагола *feohhtan* «сражаться») и им подобные. Заметим, что не все англисты склонны трактовать *ea*, *eo* (и, следовательно, *ie*) как подлинные дифтонги, полагая, что это могло быть лишь написанием, свидетельствующим о качестве последующего (или предшествующего: ср. др.-англ. *zeaf* «дал» от глагола *ziefan* «давать») согласного. Однако почти все авторитетные грамматики древнеанглийского языка приводят указанную выше хронологию «преломления» и «*i*-умлаута» [15, с. 107].

Спор по этому частному поводу ставит перед историками языка еще один трудный вопрос, связанный с интерпретацией древних письменных памятников. В какой мере встречающееся в памятниках написание отражает произношение? Нет ли опасности, что грамматические (морфологические) формы не являются нормативно-традиционными, а реально бытовали в живой речи времени создания (и записи) данного произведения? Для разрешения подобных сомнений требуется детальное исследование письменных памятников, их интерполяция, исследование вариантов форм и их написаний, исследование манер индивидуальных писцов, определенных школ писцов и другие формы анализа сохранившихся текстов. Даже при корректном с точки зрения филологии издании древнего памятника для лингвистики остается много чисто лингвистической работы над текстовым материалом, и поэтому я убеждена, что лингвист, занимающийся исторической грамматикой данного языка, обязан иметь солидную филологическую подготовку. Например, серия исследований, посвященных манере переписчиков передавать среднеанглийские тексты, позволила известному эдинбургскому лингвисту А. Макинтошу выяснить многие спорные вопросы исторической диалектологии английского языка [16]. Чтобы окончательно ответить на вопрос о том, в какой мере исследователю проблем исторического развития строя языка необходимо учитывать характер текстового материала, надо решить, следует ли в исторической грамматике указывать не только диалектные варианты (о чем мы писали выше), но и варианты стилистические или, точнее говоря, те грамматические варианты, дистрибуция которых различна в памятниках разной жанровой принадлежности. Вопрос этот не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Естественно, что в стилистике каждого языка может существовать только тот набор языковых единиц и языковых моделей, которыми располагает в данный момент сам язык. Только разный уровень частотности употребляемых элементов, особенности семантико-синтаксических связей и т. д. позволяют доказать наличие стилистической маркированности.

В древнеанглийском языке допустимы различные модели предложения с инверсией. Это должно быть указано в соответствующих разделах по историческому синтаксису. Однако не следует останавливаться на инверсии как на стилистическом приеме, чтобы не превращать историческую грамматику в историческую стилистику. Известно, что аллитерация широко применялась в древнеанглийской поэзии. В работах не только по исторической стилистике, но и в курсах по истории литературного английского языка это явление должно быть отмечено, но рассмотрение аллитерации не относится к области исторической грамматики. Однако могут быть случаи, когда без указания на жанровую принадлежность того или иного грамматического явления обойтись нельзя. Можно указать на морфологическое варьирование, т. е. распределение морфологических вариантов между древнеанглийской поэзией и прозой в области синкопированных и полных форм личных окончаний настоящего времени глагола. Дополнительную сложность анализа конкретного материала обуславливает то, что в этом вопросе перекрещиваются факторы не только стилистические, но и диалектные [17]. В целом представляется, что полные формы (типа *bindest*, *bindeð* «связываешь, связывает») характерны для поэзии, а формы стяженные (типа *bindst*, *bindt*) для прозы. Хронологически для древнеанглийского языка в целом полные формы предшествовали стяженным и процесс стяжения старых глагольных флексий шел с различной степенью

интенсивности по разным диалектам (см. [18]). Видимо, все же, нестяженные формы являются признаком поэзии в большей мере, чем признаком диалектной принадлежности данного текста, а то, что полные могли выглядеть как архаические, не противоречило общим чертам поэтического языка. В связи с изложенным, описывая спряжение древнеанглийского глагола в исторической грамматике, придется указать на жанровое различие в полных и стяженных личных формах настоящего времени глагола.

8. Историческая грамматика и история языка. Может создаться впечатление, что говоря о задачах исторической грамматики, мы привлекаем слишком много сведений, относящихся к истории языка. Каково же отношение между историей отдельного языка и исторической грамматикой этого языка? Конечно, это разные дисциплины, каждая со своими особыми задачами. Однако приходится напоминать то, о чем мы уже писали выше. Если составитель исторической грамматики не хочет ограничиваться только перечнем исторически засвидетельствованных форм языка, а хочет показать значение и функционирование этих форм, он неизбежно вынужден указать на условия этого функционирования. Дело в том, что значение форм раскрывается только при исследовании их противопоставленности в парадигматических рядах различного типа, сообразно которым происходят группировка отдельных форм языка. Однако всю глубину и разнообразие их значения можно понять только при анализе их функционирования, в связи с чем грамматика историческая должна быть также (хотя бы в известной мере) грамматикой функциональной.

История языка как дисциплина имеет свои собственные задачи и проблемы, одной из которых (и очень трудных для решения) является вопрос периодизации. Это как раз то место, в котором сталкивается историческая грамматика с историей языка, и та проблема, которую до сих пор не могут полностью решить историки языка. Совершенно справедливо указание И. Хермана: в XIX в. было обнаружено, что появление сложных грамматических систем и процессы их упрощения не совпадали с определенными отрезками истории общества и что отдельные лингвистические (т. е. языковые) категории не соответствовали определенным характерным чертам познания и фазам развития общества [19, с. 3]. Младограмматики закрепили это представление, выдвинув понятие фонетических законов, а Ф. де Соссюр определил систему языка и историю развития этой системы как предмет «внутренней лингвистики». Однако это положение не устранило многих противоречий в истории языков, особенно когда речь шла об истории отдельного языка, судьбы которого явно были связаны с судьбами общества, пользующегося этим языком.

За последние десятилетия наблюдается неуклонно возрастающий интерес лингвистов к проблеме исторического развития и изменения языка и, в известной мере, к попыткам связать процессы языковых изменений с социальными преобразованиями, происходящими в обществе. Сначала, однако, это коснулось более очевидных сторон языка, а именно уровня лексики, в то время как структурированные уровни (фонологический и грамматический) оставались в сфере «чистой лингвистики». Все же необходимость объяснить противоречия в системе языка даже в пределах теории «саморазвития» этой системы не могла исключить необходимости учитывать функционирование языка и условия этого функционирования. И. Херман пишет: «Поскольку общество как совокупность говорящих никогда не бывает однородным (т. е. оно разбито на подгруппы, распределенные на данной территории), положение о языковых изменениях с необходимостью предполагает, что факторы, их вызывающие, проявляются неодинаково и что изменения должны распространяться в неоднородных языковых сообществах. Многочисленные и хорошо известные исторические наблюдения свидетельствуют, что каждое изменение возникает в некоторой группе говорящих, а путь, ведущий к упрочению этого изменения в говорящем коллективе в целом (т. е. конечная точка всего процесса), сложен, неравномерен и неоднороден» [19, с. 9]. Далее Херман приходит к выводу о том, что лингвистическое изменение в той мере предопределено внутрисистемно, в какой речь идет о его лингвистической природе, но зависит

от социально-исторического окружения для реального осуществления механизма своего распространения.

С нашей точки зрения, здесь вступает в силу явление варьирования, наблюдаемое как в пространственном отношении (диалектное варьирование), так и в отношении социального варьирования. В связи с этим, во-первых, историко-социальные факторы могут обусловить распространение и закрепление одного из вариантов как норматива на данном временном срезе, и, во-вторых, явление варьирования может преодолеть разрыв между элементами дихотомии «синхрония/диахрония». Будучи отдельными разделами лингвистических исследований и имея каждая свой предмет и методы его описания, история языка и историческая грамматика сходны тем, что должны показывать историческое развитие и преобразование языка как поступательное движение, обусловленное диалектическим единством внутренних и внешних факторов, действующих на протяжении всего существования данного языка.

Задача составителя исторической грамматики языка состоит в выявлении поступательного движения языка, развития его грамматического строя. Методика исследования определяется наличием материала и поставленной задачей, сформулированной выше. Одним из сложных вопросов является глубокий анализ отношения формы и содержания грамматических категорий и грамматических процессов, наблюдаемых в языке на протяжении всей известной его истории. Как мы уже указывали, историческая грамматика должна давать не просто перечень зарегистрированных форм, но также раскрывать их значение. Понятно, что в этом отношении историк оказывается в невыгодном положении по сравнению с лингвистом, имеющим дело с живым языком. Если при описании живого языка помимо наблюдения за функционированием тех или иных языковых форм может быть поставлен эксперимент, хотя бы в виде хорошо продуманного анкетирования говорящих на данном языке, то для прошлых этапов развития языка возрастает роль контекстуального сопоставительного анализа фрагментов наличных исторических текстов.

Значение не только слов, но и грамматических форм этих слов, как и содержание грамматических конструкций, может быть понято только через призму их функционального использования. Именно в этом плане мы указывали выше на необходимость при составлении исторической грамматики опираться на филологию, понимаемую в самом широком смысле слова. Неизбежно «препарирование» древних текстов, как бы их «послойный» анализ (узуальные элементы установившегося употребления в данном литературном жанре, слой разговорно-просторечных форм, слой, присущий территориальным диалектам, которые часто перерастают в диалекты социальные). Многое из этого анализа остается «за сценой», не будучи помещено в само изложение исторической грамматики. Не превращаясь в историческую диалектологию и не становясь курсом исторической стилистики, историческая грамматика вынуждена считаться с достижениями других разделов исторической науки о языке.

Качественные преобразования, происходящие в строе языка, хотя и подготавливаются очень постепенно, обычно не протекают одновременно на всех уровнях языковой системы. Однако единство системы языка требует выравнивания соотношений этих уровней, а коммуникативное назначение языка предопределяет сбалансированность его частей. Естественно, что в процессе описания исторически зарегистрированных форм и конструкций лингвист описывает их сообразно парадигматическим подсистемам в соответствии с выражаемыми в данных парадигмах грамматическими категориями. Где же в исторической грамматике могут быть показаны связи подсистем и взаимоотношения различных уровней структуры языка? С нашей точки зрения, при учете функциональной, значимой стороны описываемых форм удается показать связи различных элементов языка и формы конвергентных и дивергентных изменений. Задача эта трудная, но только такой подход к историческому развитию строя языка может обеспечить создание исторической грамматики нового типа.

Как мы уже указывали выше, вариативность языка при надлежащем

учете этого явления помогает преодолеть разрыв между методами синхронии и диахронии. С нашей точки зрения, не следует пренебрегать методикой лингвистического анализа, отработанной на уровне синхронии, т. к. при применении этой методики можно успешно показать системность языковых явлений.

Последний вопрос, который, естественно, напрашивается после всего сказанного, таков: если историческая грамматика должна учитывать и частично использовать рядом стоящие, но особые разделы исторических исследований, то где же находится та «сверхзадача» и то обобщающее начало, в котором происходит объединение разделов, имеющих специализированное назначение? По нашему мнению, это объединение происходит в общей истории данного языка, призванной дать все, что относится к развятию как строя языка, так и его истории, неразрывно связанной с историей народа, пользующегося этим языком.

ЛИТЕРАТУРА

- 9 Яцева В. Н. Историческая морфология английского языка. М — Л, 1960
- 10 Biese J. M. Origin and development of conversion in English. Helsinki, 1941
- 11 Labov W. Sociolinguistic patterns. Philadelphia, 1971
- 12 Wyld H. C. A history of modern colloquial English. London — New York, 1956
- 13 Labov W. Where do grammars stop — In Sociolinguistics. Current trends and prospects. 23 d annual round table meeting. Ed. by Shuy R. W. Georgetown, 1972
- 14 Cheshire J. Present tense verbs in Reading English — In Sociolinguistic patterns in British English. Ed. by Trudgill P. London, 1978
- 15 Campbell A. Old English grammar. Oxford, 1959
- 16 McIntosh A. Scribal profiles from Middle English texts — Neuphilologische Mitteilungen, 1975, Bd. 76, № 2
- 17 Sievers E. Zur Rhythmik des germanischen Alliterationsversen — PBB, 1885, Bd. 10
- 18 Sisam K. Studies in the history of Old English literature. Oxford, 1953
- 19 Herman J. The history of language and the history of society: on some theoretical issues and their implications in historical linguistics — AL (Budapest), 1983, t. XXXIII, fasc. 1—4